

Слова Е Хуая повисли в тяжелой тишине.

Цзян Ту не спешил с ответом. Он лишь нахмурился, погрузившись в глубокие раздумья.

Чужая духовная энергия уже повсюду хозяйничала в телах заклинателей, включая Ци Цзинюаня. Е Хуай с ужасом видел, как их взгляды стекленеют — казалось, они даже не расслышали его испуганного выкрика.

— И впрямь отличный выход, — кивнул Ци Цзинюань. — Верное решение, комар носа не подточит!

— Да, так и поступим.

— Нужно прямо сейчас внести его имя в реестр ордена, пока чего не вышло.

—...

Чэн Се мягко улыбался. Он еще сильнее сжал пальцы, заставив потоки духовной энергии хлынуть с удвоенной силой:

— Что скажете, господин Цзян?

Взгляд Чэн Се переместился на Е Хуая, и в его ласковом прищуре сквозила отчетливая угроза.

Е Хуай внезапно осознал, что на этот раз чужая магия обошла его стороной.

Паника ледяными тисками сжала его сердце. Мальчик свирепо уставился на Чэн Се. В голове вихрем пронеслись тысячи мыслей, но в конце концов осталась одна — самая простая и оттого самая упрямая.

«Нет! Никто и никогда не разлучит меня с Цзян Ту!»

Е Хуай незаметно потянулся к костяному мечу, а в глубине его зрачков начала сгущаться непроглядная тьма скверны.

Но в следующий миг Цзян Ту привлек его к себе.

Прохладные ладони укрыли его, защищая от всего мира. Они стояли так близко, что сквозь ткань одежд Е Хуай чувствовал едва уловимое тепло чужого тела.

На самом деле Цзян Ту просто перехватил его руку, не давая обнажить клинок, но растерявшийся мальчик даже не успел этого понять. Столь небывалая близость заставила его замереть на месте. Щеки Е Хуая медленно залил густой румянец.

Над ухом раздался ровный голос Цзян Ту:

— Шаофу весьма великодушен, однако Е Хуай, судя по всему, против. — Цзян Ту бросил на него успокаивающий взгляд, стремясь утихомирить испуганного мальчишку, чьи зрачки от страха сузились в тонкие кошачьи щелки.

Ухватившись за этот шанс, Е Хуай отчаянно выкрикнул:

— Я не согласен! Мне не нужны другие учителя! У меня есть только один наставник — мой благодетель!

Выпалив это на одном дыхании, он поспешно спрятался за спину Цзян Ту, крепко вцепившись в его одежды.

На самом деле он давно мечтал назвать Цзян Ту своим наставником, чтобы связать их судьбы воедино, но из-за тайны, которую хранил в глубине души, никак не решался заговорить об этом. И вот теперь, испугавшись угроз Чэн Се, он выдал сокровенное, даже не успев подумать.

Но стоило словам сорваться с губ, как смелость Е Хуая испарилась. Он судорожно сжимал рукав Цзян Ту, боясь поднять глаза. Тот ведь никогда не обещал взять его в ученики. Выходит, он просто навязался ему?

В глубине души теплилась слабая надежда. Цзян Ту дал ему имя, подарил меч, обучал боевому искусству — разве не так поступают истинные учителя? Быть может, его покровитель тоже думал о том, чтобы принять его в ученики?

Но если так, почему он до сих пор молчал? Вдруг Цзян Ту просто не знал, какое значение имеют эти жесты в мире заклинателей, и помогал ему из чистой жалости?

Е Хуай не верил в себя. Такой невероятный человек, как Цзян Ту, мог бы выбрать лучшего из лучших. Зачем ему сдался безродный сирота?

Чэн Се сразу заметил его нерешительность.

— Юный господин, подумай хорошенько, — поспешил он надавить на больное место. — Если вступишь в Орден Прихода и Ухода, тебе не придется расставаться с господином Цзян. Формально тебя запишут на имя другого старейшины, только и всего. А если господин Цзян тоже останется с нами, я лично позабочусь, чтобы ему как можно скорее даровали право

принимать учеников. Тогда ты официально перейдешь к нему.

Вслед за его словами к Е Хуаю устремились невидимые потоки духовной энергии. Словно ядовитые гадюки, они пытались проникнуть в разум мальчика, чтобы затуманить его волю.

Но Цзян Ту не позволил им даже коснуться ребенка. Одним небрежным движением он сжал пальцы, и наглые щупальца рассыпались невесомой пылью.

— Я ценю вашу заботу, шаофу, — ледяной голос Цзян Ту прозвучал для Е Хуая слаще небесной музыки. — Но даже если я простой бродячий заклинатель, это не дает Ордену Прихода и Ухода права силой забирать моих людей. Разве вы не слышали? Он назвал меня своим учителем.

На лице Чэн Се отразилось крайнее изумление:

— Я знаю, что господин Цзян обладает незаурядной силой, но вспомните Орден Стремительного Ветра... Как вы собираетесь защитить мальчика в одиночку? К тому же союз наставника и ученика, не скрепленный клятвой Небесного пути, не имеет истинной силы. К чему господину Цзяну рисковать жизнью ради пустого слова?

Цзян Ту негромко вздохнул:

— Не утруждайте себя заботами. Если ваши интриги не коснутся Е Хуая, я сумею уберечь его. Что же до Небесного пути... чтобы взять этого мальчика в ученики, мне не нужно ничье согласие.

Его холодные слова упали подобно первому снегу, заставив сердце Е Хуая сладко сжаться.

Даже если Цзян Ту сказал это лишь ради его спасения, Е Хуаю стоило огромных усилий сдержать подступившие слезы. Если бы не грозящая опасность, он прямо сейчас зарылся бы лицом в чужую грудь.

Мальчик изо всех сил старался вести себя прилично, но в конце концов не выдержал и легонько потерся щекой о плечо своего заступника.

Почувствовав, как в самый разгар противостояния в него утыкается взъерошенная макушка, Цзян Ту едва заметно вздрогнул. Уголок его губ дрогнул, и он мягко опустил ладонь на голову ребенка, умиряя его порыв.

Заметив их трогательную близость, Чэн Се на мгновение застыл, а его улыбка сделалась натянутой:

— Господин Цзян, о каких интригах вы говорите? Когда это я успел вас обобрать или обмануть?

Под действием невидимых чар его слова тут же нашли отклик среди околдованных заклинателей.

— Клевета! Наглый навет! Шаофу, посмотрите, какую неблагодарную змею вы пригрели на груди! — первым выкрикнул Ци Цзинюань, в гневе уперев руки в бока. — Наш старейшина Се слишком мягок сердцем. Сперва он терпел выходки этого неотесанного Чэн Жана, а теперь, когда совершил доброе дело, эти проходимцы смеют плевать ему в душу! Гнать их в шею из ордена, и дело с концом!

— И то правда, — подхватил другой, с презрением глядя на Цзян Ту. — Спас их старейшина Се, а они якшаются с Чэн Жаном. Да и этот Цзян... смазлив чересчур. Кто знает, какие непотребства они творят за закрытыми дверями? Глядишь, это у него тело сосуда для парного совершенствования!

Мерзкие слова пробудили в толпе низменное любопытство. Десятки грязных, оценивающих взглядов устремились на Цзян Ту.

— Мерзавцы! Языки бы вам укоротить! — Чэн Жан мгновенно очнулся от наведенного транса и побагровел от ярости. — Мои помыслы касательно господина Цзяна чисты!

В отличие от взбешенного Чэн Жана, сам Цзян Ту оставался невозмутим. Ему было откровенно скучно.

Если бы людские наветы могли вершить суд, он, Владыка преисподней, давно лишился бы своего престола.

Цзян Ту не любил пустых разговоров, предпочитая действовать, но сейчас обстоятельства вынуждали его высказаться.

Он крепче прижал к себе Е Хуая. Не сделай он этого, преданный щенок уже вцепился бы обидчикам в глотки, невзирая на разницу в силах.

Цзян Ту медленно перевел взгляд на оскорбившего его заклинателя. В его глазах застыл такой могильный холод, что несчастный мгновенно осекся, почувствовав, как невидимая удавка стягивает горло. Смертельный ужас сковал его тело, лишив дара речи.

Но это длилось лишь миг — Цзян Ту уже смотрел на Чэн Се.

Его голос звучал обманчиво спокойно, точно он зачитывал сухой приговор:

— Действительно, я выразился неточно. Мне следовало назвать твои действия не интригами, а... предательством и убийством учителя.

Эти слова разорвались подобно грому среди ясного неба. Даже те заклинатели, чей разум был одурманен магией, потрясенно замерли, силясь осознать услышанное.

Загадочная смерть старого главы ордена оставалась запретной темой в Ордене Прихода и Ухода. Никто не знал правды, и доказать причастность кого-либо казалось невозможным. Именно поэтому сторонники Чэн Се так легко разыгрывали эту карту, обвиняя во всем Чэн Жана. Но теперь чужак открыто обвинил старейшину в самом страшном грехе.

Мертвецы молчат, а живые могут сплести любую ложь.

Но одно дело — внутренние распри ордена, и совсем другое — когда безродный бродяга смеет бросать обвинения в лицо уважаемому старейшине!

Ци Цзинюань уже открыл было рот, собираясь разразиться проклятиями, но Чэн Се жестом велел ему молчать.

Лицо Чэн Се исказилось от праведного гнева и глубокой скорби. Его голос задрожал:

— Господин Цзян! Учитель заменил мне отца, вырастил и наставил на путь истинный! Даже если вы затаили на меня обиду, клеветать на память покойного и обвинять меня в его гибели — это низость!

Казалось, его душа разрывается от боли. На глазах Чэн Се выступили слезы, а уголки губ скорбно опустились. Любой, кто взглянул бы на него в этот миг, проникся бы глубоким состраданием к невинно оклеветанному человеку.

Цзян Ту лишь устало вздохнул. Похоже, он выразился недостаточно ясно, раз этот фигляр все еще продолжал кривляться.

— Ты слишком заигрался, — обронил он. — Я не требую от тебя признаний.

В глазах Чэн Се на миг промелькнуло раздражение, но он тут же вновь нацепил маску оскорбленной невинности.

— Господин Цзян, неужели вы поверили чужим наговорам? — сокрушенно вздохнул он. — Выборы нового главы ордена не за горами, и я знаю, что сторонники моего старшего брата готовы пойти на любую подлость и пустить самые грязные слухи. Но я уже говорил: у меня нет притязаний на это место...

Видя, что Цзян Ту по-прежнему холоден как лед, Чэн Се поджал губы и заговорил увереннее:

— К тому же вы можете спросить любого в ордене: перед смертью учитель собирался передать

бразды правления именно мне. Будь я честолюбив, какой мне смысл лишать его жизни? Живой покровитель принес бы мне куда больше пользы, не находите?

Звучало на редкость убедительно.

И Цзян Ту непременно поверил бы ему, если бы лично не заглянул в воспоминания усопшего старца.

— Перед смертью старый глава ордена передал свои полномочия Чэн Жану, — спокойно произнес Цзян Ту. — И ты стоял у его одра. Отрицать будешь?

Маска благородного мужа наконец дала трещину. Чэн Се сделал резкий шаг вперед, пытаясь ухватиться за плечо Цзян Ту:

— В час кончины учителя барьер Небесной реки пришел в движение! Я лично вел учеников латать прореху, о чем знает весь орден! Откуда вам знать...

Цзян Ту неуловимым движением уклонился от прикосновения и одновременно перехватил свободную руку Чэн Се.

Чэн Се охнул: чужая хватка оказалась столь сильной, что кости запястья едва не хрустнули. Пальцы невольно разжались, и темный угловатый камень с тихим стуком выпал на землю.

В ту же секунду наваждение рассеялось. Опутавшая заклинателей чужеродная энергия стремительно покинула их тела и втянулась обратно в упавший предмет.

Все взгляды устремились на зловещий Камень Ткачества Мыслей.

На поляне воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра. Секунды казались вечностью.

Наконец тишину разорвали яростные выкрики:

— Ты использовал Камень Ткачества Мыслей, чтобы подчинить нас?!

— Чэн Се, как ты мог...

— Заткнитесь! — Пронзительный крик Чэн Се заставил толпу умолкнуть. На его висках вздулись вены, а прежняя кроткая улыбка превратилась в хищный оскал. Он обернулся к Цзян Ту: — И когда же вы догадались, господин Цзян?

— Еще когда ты только приближался к нам, — ровно ответил Цзян Ту.

На этот раз страх коснулся сердца самого Чэн Се. В тот момент он даже не задействовал силу камня! Если этот человек почуял неладное так рано, значит, он изначально ждал подвоха.

— Вы издеваетесь надо мной, господин Цзян? — прошипел сквозь зубы шаофу.

Цзян Ту покачал головой:

— Ничуть. Просто стой ты поодаль, мне было бы труднее до тебя добраться.

— Значит, все эти речи были лишь приманкой... — Чэн Се осекся, осознав, как глупо попался. Однако он быстро справился с волнением и глубоко вздохнул: — Но даже если так, что с того? Камень Ткачества Мыслей — не такая уж редкость. В сокровищницах Среднего царства их пруд пруди. Почему старейшина ордена не может владеть подобной безделицей?

Цзян Ту разжал пальцы и слегка склонил голову набок:

— Тайный грот. Третий валун слева. Хочешь, я покажу всем, что там произошло, и воспроизведу те события в мельчайших деталях?

Присутствующие недоуменно переглядывались, не понимая сути этих загадочных слов, но лицо Чэн Се на глазах бледнело, приобретая землистый оттенок. При упоминании о воспроизведении воспоминаний его напускная веселость окончательно испарилась. Лицо старейшины превратилось в неподвижную маску, а взгляд приковался к Цзян Ту.

— Господин Цзян, я ума не приложу, за что вы так ополчились на меня. Мой старший брат подучил вас? Или кто-то другой? Ведь я спас вам жизнь! За что вы платите мне такой черной неблагодарностью?

Чеканя слова, Чэн Се медленно наступал на соперника.

Миролюбивого шаофу больше не существовало — от него исходила удушающая, зловещая волна духовной силы, точно под маской добродетельного заклинателя скрывался кровожадный демон.

Под испуганными взглядами застывших свидетелей губы Цзян Ту тронула едва заметная, но пугающе прекрасная улыбка.

— Неужели? — тихо, с едва различимой издевкой переспросил он. — Ты спас меня?

В следующее мгновение мир вокруг взорвался.

Цзян Ту легким движением отбросил Е Хуая в сторону и наотмашь нанес сокрушительный удар ладонью!

Бум——

Раздался оглушительный грохот.

Удар пришелся точно в лезвие обнаженного клинка Чэн Се. Взрывная волна духовной энергии превратила дорожные камни в мельчайшую пыль, подняв такую бурю, что дышать стало нечем, а глаза засыпало песком.

Е Хуай покачнулся, едва удерживая равновесие, и сквозь пелену пыли попытался рассмотреть происходящее.

Ему впервые довелось увидеть Чэн Се в бою. Сабля шаофу была заметно уже широкого клинка Чэн Жана — он явно жертвовал сокрушительной мощностью ради молниеносной скорости и маневренности.

Поняв, что первая атака провалилась, Чэн Се мгновенно отпрянул и тут же нанес новый удар, целясь противнику в бок.

Снова громыхнуло.

Земля уходила из-под ног. Сквозь клубы пыли мерцало ярко-синее свечение защитного амулета на поясе Чэн Се.

Шаофу достиг золотой середины третьего ранга совершенствования, и до Земной ступени ему оставалось всего ничего. В нынешние времена мастеров Земной ступени можно было пересчитать по пальцам одной руки, так что его сила вызывала уважение даже в Высшем царстве.

Под давлением его сокрушительной ауры мало кто из присутствующих мог устоять на ногах — разве что сам Чэн Жан.

Е Хуай упрямо поднимался, но бушующий вихрь духовной силы снова и снова валил его на землю, словно слабую травинку. И все же мальчик, спотыкаясь и падая, упрямо полз к эпицентру схватки.

Даже ребенок понял бы: Чэн Се вел тонкую и грязную игру.

Его своевременное спасение, приглашение в Орден Прихода и Ухода, показная забота и защита — все это преследовало лишь одну цель.

Этой целью был он, Е Хуай.

Чэн Се наверняка раскрыл тайну его происхождения.

И какими бы лживыми ни были сладкие речи шаофу, в одном он не соврал: из-за уникального тела Е Хуай обречен оставаться желанной добычей для любого заклинателя. И если Цзян Ту не оставит его, то разделит эту участь, приняв на себя удар всего мира.

«Я лишь пользуюсь его добротой и подвергаю смертельной опасности!»

— Мило... — Сквозь слезы и летящую пыль Е Хуай упрямо прорывался вперед, ведомый непреодолимым желанием быть рядом. Он рванулся навстречу свистящей стали: —... Учитель!..

Пальцы мальчика почти коснулись развевающегося подола Цзян Ту.

Но в следующий миг его ноги оторвались от земли, а поперек живота сомкнулась крепкая рука.

Чэн Жан без труда закинул брыкающегося мальчишку на плечо и мгновенно выставил защитный барьер, преграждая ему путь назад:

— Куда прешь, сопляк? Смерти ищешь? А ну стой и слушай... Ай!

На руке Чэн Жана тут же отпечатался глубокий укус. Он взвыл от боли:

— Да не грызи ты меня, щенок бешеный! Слушай, кому говорят! Твой учитель сам велел мне держать тебя подальше отсюда!

Слово «учитель» подействовало на Е Хуая как парализующее заклятие. Он мгновенно затих, растерянно хлопнув глазами.

Чэн Жан не стал ничего объяснять. Его взгляд был прикован к полю боя.

Пыль постепенно оседала.

Клинок Чэн Се замер всего в цуне от груди Цзян Ту. Напряженные до предела мышцы старейшины дрожали, вены вздулись, но невидимая преграда стояла насмерть.

— Господин Цзян, кто же вы... — Чэн Се смог лишь выдавить сквозь зубы: — Зачем вы клевете на меня?

Но в следующий миг его тело неестественно дернулось.

Из-под широкого рукава вырвались две призрачные стрелы и устремились прямо в незащищенное горло Цзян Ту. Одновременно с этим Чэн Се перехватил саблю обеими руками и навалился всем телом, пытаясь пробить брешь в чужой защите:

— Что бы вами ни двигало, господин Цзян, признаю — я ошибся в вас. Но о Е Хуае я позабочусь как следует...

Сквозь вихри бушующей энергии Чэн Се встретился взглядом с холодными, миндалевидными глазами Цзян Ту. В их бездонной глубине он увидел свое отражение — ничтожное и жалкое, точно букашка на ладони великана.

Эта мимолетная слабость решила все.

Цзян Ту неуловимым движением ушел с траектории удара. Клинок скользнул по его одеждам, не оставив и следа, а в следующий миг прохладные пальцы сомкнулись на плече Чэн Се. Раздался сухой, отчетливый хруст — плечевой сустав старейшины превратился в месиво.

Победная речь Чэн Се оборвалась диким, истошным воплем. Но на этом Цзян Ту не остановился. Не меняясь в лице, он ленивым, почти безразличным жестом взмахнул рукой, швырнув старейшину прочь, словно мешок со старым тряпьем.

Не в силах восстановить равновесие, Чэн Се кубарем покатился по земле, ломая кусты и ложась спиной на поваленные стволы деревьев. Наконец он замер в пыли, содрогаясь в кашле и сплевывая густую кровь.

Когда он с трудом поднял голову, Цзян Ту уже стоял перед ним. На его чистых одеждах не было ни единой пылинки.

Чэн Се снова вырвало кровью — на этот раз от парализующего страха.

Цзян Ту безразлично поморщился, заметив бурые брызги на носках своих сапог, и неторопливо отряхнул ладони.

Он опустился перед поверженным врагом на корточки, бросив на землю обломки двух отравленных стрел, и левой рукой грубо схватил Чэн Се за волосы, заставляя смотреть на себя:

— С чего ты взял, будто я позволю ранить себя одной и той же уловкой дважды?

Чэн Се хрипел, захлебываясь собственной кровью. В его расширенных зрачках читался немой вопрос:

— Ты... знал? И когда же... на этот раз?

— Только что, — небрежно обронил Цзян Ту.

Он не собирался приписывать себе дар предвидения. Знал — значит знал, скрывать тут было нечего. Конечно, он и раньше догадывался, что за отравленными стрелами стоит именно Чэн Се, но личность нападавшего его не заботила.

Его единственная задача — помочь Е Хуаю достичь вознесения. Любая угроза на этом пути, будь то Орден Стремительного Ветра или коварный Чэн Се, подлежала уничтожению.

Именно поэтому Цзян Ту решил сорвать с него маску благодетеля: этот человек посмел протянуть свои грязные руки к тому, кого трогать не следовало.

Жаль только, Чэн Се до сих пор этого не осознал.

— Ха... ха... — Чэн Се попытался изобразить подобие улыбки, но губы его лишь мелко задрожали. — Но у вас нет доказательств... Господин Цзян, вы можете сколько угодно обвинять меня в убийстве учителя, но у вас нет ни одной улики... А за то, что отбросили меня так далеко, отдельное спасибо. Пусть сегодня я проявил оплошность... но завтра на совете Ци Цзинюань и остальные все равно поддержат меня. Хотите пари?

К его удивлению, Цзян Ту спокойно кивнул:

— Верю.

Привлекательная внешность и кроткий нрав Чэн Се были лишь ширмой. Ци Цзинюань и прочие шли за ним не из-за душевных качеств. Куда важнее были власть и выгода, которые сулил статус любимого ученика покойного главы ордена и старейшины.

Чэн Се был полезен. И те, кто следовал за ним, рассчитывали получить свою долю пирога. Любое обаяние теряет силу, если за ним не стоят выгода или власть.

— Я повидал немало подобных тебе, — безучастно произнес Цзян Ту. — Именно поэтому я не могу позволить тебе явиться на завтрашнюю церемонию выборов.

Чэн Се зашипел, лицо его исказилось от ярости:

— Хотите прикончить меня, чтобы расчистить дорогу старшему брату? И что же... что этот деревенщина вам пообещал?

Глаза Цзян Ту потемнели. Ему не было дела ни до Чэн Се, ни до Чэн Жана.

Небесный путь гласит: у каждого создания своя стезя, и ни богам, ни демонам не дозволено вмешиваться в чужие судьбы. А те, кто дерзнет нарушить это правило, должны помнить о цене, которую придется заплатить за искажение узора причин и следствий.

Не коснись ушибца Ордена Прихода и Ухода безопасности Е Хуая, Цзян Ту и пальцем бы не пошевелил. А теперь из-за этого ничтожества ему пришлось принять на себя бремя чужой кармы.

Впрочем, объяснять это Чэн Се он не собирался. Цзян Ту просто надавил ладонью на его висок, вминая чужую голову в сырую землю:

— С чего ты взял, будто у меня нет улики?

Тело Чэн Се судорожно натянулось как струна. В таком положении он не мог видеть лица противника, зато Цзян Ту замечал малейшее движение его мускулов.

Он наклонился ближе и произнес с едва уловимой, притворной жалостью:

— Слышал ли ты когда-нибудь о заклинателях душ?

Мир заклинателей велик: одни посвящают себя искусству сабли, как адепты Ордена Прихода и Ухода, другие выбирают путь меча; есть целители, кукловоды, мастера барьеров и талисманов — не счесть всех путей под звездами.

Но практики душ стояли особняком. Каждый человек наделен тремя душами — небесной, земной и человеческой, — что ведают добром и злом и лишь в слиянии образуют личность. Владеющие же Техникой Управления Душой способны проникать в эти сокровенные сферы, на время подчиняя себе чужую плоть. Овладев чужим телом, такой мастер получает доступ к чужим тайнам, привычкам и воспоминаниям, а порой — и к тайным техникам, что возвращал усопший.

В мире совершенствующихся практики душ считались исчадиями ада. Высшее царство давно наложило строгий запрет на Технику Управления Душой, отчего их наследие практически угасло.

— Быть не может! — Чэн Се рванулся в бесплодной попытке освободиться. — На постижение этой техники уходят столетия! Ты слишком молод для подобных высот. За дурака меня держишь, господин Цзян?

Он хорохорился, но Цзян Ту чувствовал, как под его ладонью мелко дрожит щека Чэн Се. Тот был на грани безумия от страха.

Цзян Ту неторопливо произнес, выделив его вежливое имя:

— Наш шаофу весьма начитан. Однако Техника Управления Душой трудна лишь потому, что разум живого заклинателя защищен непоколебимым духовным ядром. Но если применить ее к простому смертному... или... — Он сделал многозначительную паузу. —...к остаткам души усопшего мастера, это не составит большого труда.

Внезапно судорога прекратилась.

Чэн Се облегченно рассмеялся:

— Похоже, лгать вы так и не научились, господин Цзян. С остатками души фокус действительно может сработать... Но у того, чье золотое ядро было разбито вдребезги, не остается духовной воли! Ха... ха-ха...

Духовная воля старого главы ордена сгорела дотла вместе с его золотым ядром!

Почувствовав, что хватка ослабла, Чэн Се не сразу решился пошевелиться. Убедившись, что Цзян Ту не собирается его удерживать, он медленно приподнялся, криво ухмыляясь:

— Что, господин Цзян, крыть нечем?..

Цзян Ту равнодушно скользнул по нему взглядом и, посмотрев куда-то за его спину, негромко произнес:

— Теперь ты сам все слышал.

Чэн Се резко обернулся.

Неподалеку, застыв как изваяние, стоял Чэн Жан, удерживая на плече притихшего Е Хуая. С такого расстояния они не могли упустить ни единого слова.

Лицо Чэн Се мгновенно утратило всякие краски:

— Старший... брат...

— О том, что золотое ядро учителя уничтожено, я не говорил ни единой живой душе, — глухо, точно раненый зверь, проговорил Чэн Жан. Его губы дрожали. — Се-эр... откуда тебе это

известно?

Чэн Се беззвучно ловил ртом воздух. Осознав, как дешево его провели, он с ненавистью уставился на Цзян Ту:

— Ты... опять разыграл меня? Господин Цзян, не думал я, что вы настолько подлы...

Цзян Ту пропустил его бессильную злобу мимо ушей:

— Чэн Се, ты слишком умен, поэтому мне не было нужды водить тебя за нос. Я лишь позволил тебе высказать то, что ты так тщательно скрывал. Разве это подлость? Лучше подумай, как будешь держать ответ перед братом.

Договорив, он сделал знак Е Хуаю.

Чэн Жан опустил мальчика на землю, и тот в мгновение ока преодолел разделявшее их расстояние. Миновав застывших родственников, Е Хуай привычно юркнул под защиту широкого рукава Цзян Ту.

Придерживая ребенка за плечо, Цзян Ту бросил последний холодный взгляд на поверженного старейшину:

— Неужели ты думал, будто предсмертные слова твоего учителя предназначались одному лишь Чэн Жану?

Не дав Чэн Се опомниться, он увлек Е Хуая за собой.

\*\*\*

Чэн Се долго смотрел им вслед, пока силуэты не скрылись в лесной чаще. Наконец он перевел взгляд на брата.

— Что это значит? — хрипло выплюнул он, пытаясь подняться. Весь в грязи и засохшей крови, он с ненавистью смотрел на невредимого Чэн Жана. — Старший брат, о чем он говорил?

— Ты мог обмануть весь свет, Се-эр, — тихо отозвался Чэн Жан, и в его голосе сквозила беспредельная горечь. — Но только не меня, делившего с тобой кров с малых лет... И уж точно не того, кто заменил нам обоим отца.

Крупные слезы покатались по его щекам. Сдерживая рвущийся из груди крик, он прошептал:

— Я ведь решил предать все забвению... Зачем же ты раз за разом испытывал мое терпение?

Чэн Се замер на коленях. Он хотел подняться, но спина его словно одеревенела. Лицо исказилось от недоумения:

— Ты... все знал? Давно? Так вы просто развлекались, глядя на мои старания? Считали меня шутком?!

Чэн Жан молча шагнул вперед и мертвой хваткой вцепился в воротник его одежды.

Изнаненный Чэн Се повис в его руках, но даже сквозь боль продолжал хрипло смеяться:

— Что ты реешь, старший брат? Это меня выставили дураком! Знай я все заранее, прикончил бы этого Цзян Ту на месте и забрал щенка, чтобы сделать из него сосуд для парного совершенствования... Я терплю поражение, а ты оплакиваешь свою долю?

При упоминании имени Цзян Ту Чэн Жан порывисто вздохнул и с силой швырнул под ноги брату какой-то предмет.

Чэн Се скосил глаза и похолодел. Это был сигнальный талисман их ордена.

— Деревня Множества Благословений... Твоих рук дело? — процедил Чэн Жан, едва сдерживая ярость. — Я хочу услышать это от тебя.

Чэн Се беззвучно пошевелил губами, а затем сипло рассмеялся, выдавая себя с головой:

— А я-то гадал, отчего этот Будда Тысячи Лепестков Лотоса так быстро испустил дух... Оказывается, и тут преуспел наш великий гость... Цзян Ту... Ха-ха, надо же, какой удивительный человек! Выходит, это он использовал меня как глупое орудие...

Чэн Жан замахнулся, но в последний миг сдержал удар. Его пальцы сжались в кулак с таким треском, что казалось, кости сейчас сломаются:

— Как ты посмел скормливать живых людей призрачному зверю?!

— Что же ты медлишь, брат? — с издевкой бросил Чэн Се. — Бей!

Хлоп!

Раздался звонкий шлепок.

Голова Чэн Се мотнулась в сторону. Он ошарашенно уставился на Чэн Жана, а затем сплюнул на землю кровь. Для гордого старейшины эта пощечина была хуже смертного приговора:

— Ты смеешь меня бить?!

□□

Чэн Жан снова ударил его обратной стороной ладони, и этот звук был еще звонче предыдущего, отчего уголок рта Чэн Се треснул и закровоточил.

— Ты думал, что твоя ложь останется нераскрытой?! — взревел Чэн Жан, точно загнанный в угол зверь. — Учитель до самого своего последнего вздоха пытался выгородить тебя!..

«Позаботься о младшем брате...»

Старец не успел закончить фразу — уничтоженное золотое ядро уносило его жизнь слишком быстро. Но годы, проведенные бок о бок, позволяли Чэн Жану без труда угадать сокровенный смысл предсмертной воли наставника:

«Прости его ошибки, дай шанс исправиться. Не позволяй его грехам разрушить узы вашего братства».

Никакой тайны не было. Просто тот, кто искренне любил Чэн Се, терпеливо ждал его раскаяния. До самой своей кончины.

Чэн Жан бессильно опустил голову на плечо брата:

— Я ведь давно все решил... Завтра на совете я собирался уступить тебе место главы ордена. Каким же глупцом я был! Я упрямо верил, что ты просто оступился, и делал вид, будто ничего не замечаю... Но ты посмел обречь на гибель невинных! Ты не раскаялся ни в одном из своих злодеяний. Как мне теперь простить тебя?!

Он отпустил изорванный воротник Чэн Се и, пошатываясь, отступил на шаг.

Впервые на лице Чэн Се отразился настоящий, неподдельный страх:

— Ты не посмеешь убить меня! Предсмертная воля учителя...

— Ты забыл? — Чэн Жан горько усмехнулся. — Душа нашего наставника рассеялась без следа. Что мне сделается, если я нарушу его волю? Се-эр... ты ведь своими руками лишил жизни нашего отца.

Перед глазами Чэн Жана возник образ их учителя во времена его зрелости: длинная, до самого пояса борода, сильные руки, на которых он когда-то держал маленького Чэн Се и Чэн Жана, приговаривая: «Отныне я ваш наставник и ваш отец».

Солнечный свет заливал склоны Ордена Прихода и Ухода, ослепляя и заставляя слезы течь ручьем.

Вдруг кто-то судорожно ухватился за край его одежды.

Чэн Се распластался в пыли, умоляя сквозь рыдания:

— Брат! Старший брат, я виноват! Я не знал... Мне казалось, учитель никогда не ценил меня, что он всегда выделял тебя... Умоляю, дай мне еще один шанс! Не убивай меня! Ведь мы выросли вместе, мы единственные близкие люди друг для друга на этом свете! Ты ведь обещал защищать меня, помнишь? Брат... пожалуйста... Брат!

От этого отчаянного крика у Чэн Жана перехватило дыхание. Он согнулся пополам, и изо рта его брызнула темная кровь.

Преодолевая невыносимую душевную муку, он резко вырвал ногу, и Сабля Вступления в Сражение огласила окрестности грозным, хищным звоном.

\*\*\*

Тем временем Е Хуай упрямо следовал за Цзян Ту, стараясь наступать точно на его тень.

— А как же Чэн Се... — негромко спросил он.

— Это внутреннее дело Ордена Прихода и Ухода, — отозвался Цзян Ту. — Пусть Чэн Жан сам разбирается с братом. Нам вмешиваться незачем.

Для него было важно лишь одно — навсегда отбить у Чэн Се охоту зариться на мальчика.

Сделав еще пару шагов, Цзян Ту заметил, что шуршание позади прекратилось. Он обернулся: Е Хуай застыл на тропинке, прикусив губу и робко опустив голову.

Владыке преисподней пришлось вернуться. Он остановился прямо перед ребенком.

— Я... я не о том хотел спросить... — Мальчик судорожно комкал подол своей рубахи. Он робко вскинул взгляд на Цзян Ту и тут же попытался отвернуться, но прохладные пальцы мягко перехватили его подбородок, лишая возможности спрятаться.

Цзян Ту аккуратно приподнял лицо мальчика, обхватив его за щеки большим и указательным пальцами — точно хозяин, ласкающий преданного пса.

Он внимательно изучил свежие ссадины:

— Откуда это?

Прежние раны, нанесенные Буддой Тысячи Лепестков Лотоса, едва успели затянуться, оставив лишь блеклые полосы, а он снова умудрился покрыться синяками и царапинами. Выглядел мальчишка побитым и грязным.

«Неужели Чэн Жан не уберег его?»

Они ведь договаривались: Цзян Ту срывает маску с предателя, а Чэн Жан обеспечивает безопасность ребенка.

Цзян Ту нахмурился. Он ведь даже не вступал в полную силу во время схватки. Если будущий глава ордена не способен справиться с такой простой задачей, возможно, ему вообще не стоит занимать этот пост.

Е Хуай лишь тихонько шмыгнул носом. Прохлада чужой ладони приятно баюкала ноющую боль от ушибов. Мальчик невольно потерся лицом о пальцы Цзян Ту, издав едва слышный, довольный звук, похожий на ворчание маленького зверя.

Цзян Ту нахмурился еще сильнее и слегка ущипнул его за щеку:

— Так о чем ты хотел поговорить?

Е Хуай вздрогнул и торопливо заговорил, с каждым словом понижая голос до шепота:

— Я знаю... знаю, зачем Чэн Се все это затеял...

Цзян Ту не спешил убирать руку. Щеки у мальчишки, хоть сам он и был тощим, оказались на удивление мягкими.

— Хм? — отозвался он, не разжимая пальцев.

— Дело в том, что внутри меня... Кость Циляня.

Е Хуай затаил дыхание, пытаясь угадать реакцию наставника, но Цзян Ту стоял спиной к заходящему солнцу. Его лицо тонуло в глубокой тени, и лишь длинные, темные волосы едва

шевелились от легкого ветра.

Мальчик обреченно зажмурился:

— Все твердят, будто Кость Циляня — это идеальный сосуд для парного совершенствования. Стоит провести с таким человеком лишь одну ночь, и можно без труда преодолеть границу целого ранга... А моя кровь ценится лекарями как редчайшее снадобье... А если вырезать мои кости и выковать из них духовное оружие... Словом, я для них — лишь ценная добыча...

Голос мальчика прервался.

Он не сразу узнал о проклятии своего тела. В детстве Е Хуай жил среди отбросов Нижнего царства, перебиваясь объедками со свалки. Заклинатели поймали его лишь потому, что, умирая от голода, он осмелился украсть у одного из них черствую лепешку.

Тогда он думал, что ему просто не повезло. Но когда взрослые мужи начали смотреть на него с похотливой жадностью и в открытую вести мерзкие, грязные разговоры, Е Хуай с ужасом осознал, какая участь ему уготована. Он был носителем легендарной Кости Циляня.

Лишь из-за его юного возраста и незрелости тела мучители не спешили забирать свое. Иначе он давно разделил бы судьбу сотен несчастных сосудов — погиб бы от истощения сил, выброшенный на съедение диким зверям.

Но даже так Орден Стремительного Ветра ежедневно пускал ему кровь. Они действовали осторожно, не позволяя ему умереть, но лишая всякой возможности сопротивляться или бежать.

Е Хуай уже не помнил, как именно вырвался из того ада. В памяти запечатлелся лишь образ молодой служанки, которая тайком подкармливала его из жалости. Ей отрубили голову у него на глазах, когда побег обнаружился.

Горячая слеза скользнула по щеке мальчика и упала прямо на ладонь Цзян Ту. Слезы лились нескончаемым потоком, омывая пальцы Владыки преисподней.

Цзян Ту подавил невольное желание отнять руку и прислушался к невнятному бормотанию ребенка.

— ... Я не хочу... не хочу, чтобы они забирали мои кости... Но если без этого нельзя... пусть лучше их заберет мой благодетель... Кость созреет лишь через пять лет... Но я могу давать вам свою кровь! Она очень сильная... Пожалуйста, не бросайте меня... Я не буду обузой...

Цзян Ту лишился дара речи. На его виске отчетливо запульсировала вена.

Он сильнее сжал пальцы, и Е Хуай испуганно замолчал, глядя на него полными слез глазами.

«Какая глупость...» — Цзян Ту вздохнул. Жалкий вид мальчишки растопил его обычную холодность, и гневные слова так и остались невысказанными:

— Что за вздор ты несешь?

Он наклонился к самому лицу Е Хуая, заставив того замереть от неожиданности. Их разделяло лишь мгновение, и прохладное дыхание Цзян Ту коснулось губ ребенка, заставив его вздрогнуть.

— Забудь слово «сосуд», — отдельно произнес Цзян Ту. — Третий раз повторять не стану.

Цзян Ту убрал руку и спрятал влажную ладонь за спину, слегка нахмурившись:

— Если раньше никто не удосужился объяснить тебе это, слушай внимательно. Быть носителем Кости Циля — значит обладать величайшим даром. Ты — прирожденный гений, чей путь совершенствования благословлен небесами. — Он сделал паузу, пристально глядя в глаза мальчику: — Оставить прошлое позади нелегко, Е Хуай. Но я не стану нянчиться с твоими страхами.

Е Хуай задрожал всем телом. Он наконец осознал истинный смысл этих слов.

Цзян Ту никогда не презирал его за темное прошлое. Тайна, казавшаяся мальчику непреодолимой преградой, для его покровителя была лишь пустяком. В глазах этого человека он всегда оставался просто Е Хуаем — не вещью, не безвольным сосудом.

Цзян Ту не изменился. Он не выказывал притворной нежности и не пытался сбежать, узнав о Кости Циля. Это он сам запер себя в клетке былых кошмаров. Страх, точно цепкие шипы дикого терновника, мешали ему сделать шаг навстречу.

И теперь Цзян Ту прямо говорил ему: разрубить эти путы под силу только ему самому.

Е Хуай поднял взгляд. Солнечный свет очерчивал изящный силуэт наставника золотым сиянием, придавая его облику поистине божественное величие. И этот небожитель стоял рядом, терпеливо ожидая его выбора.

Е Хуай медленно опустился на колени. С его губ сорвались слова, которые он так долго хранил в самом сердце:

— Я хочу следовать за вами, мой благодетель! Вы дали мне имя, подарили этот клинок...

Позвольте мне стать вашим учеником и постигать путь под вашим началом! Обещаю, я никогда не заставлю вас пожалеть о своем выборе!

Звонкий юношеский голос разнесся по лесной тропе.

Е Хуай сглотнул подступившие слезы. Его янтарные глаза светились решимостью. Он замер в ожидании ответа.

Спустя мгновение тишину нарушил тихий смехок. Этот звук, теплый, как весенний ветер в пору таяния снегов, коснулся слуха Е Хуая.

Цзян Ту ласково посмотрел на взволнованного мальчика:

— Все еще «благодетель»?

Глаза Е Хуая, еще влажные от слез, мгновенно вспыхнули ярким, ликующим светом:

— Учитель?..

— Да, — Цзян Ту протянул ему руку, и на его губах появилась едва заметная улыбка. — Вставай.

«До чего же легковверный. Так просто отдал мне свое сердце».

Узы наставника и ученика скреплены. Теперь оставалось лишь проверить, пришел ли в движение Гадательный массив Небесных Тайн... Хм?

Договорить мысль Цзян Ту не успел — в его грудь на полной скорости врезался маленький ураган. Е Хуай крепко обнял его, утыкаясь носом в одежды и отказываясь отпустить, точно преданный щенок:

— Учитель! Учитель!.. У меня теперь есть настоящий учитель! Наставник, я так сильно вас люблю!.. Учитель!..

От столь бурного проявления чувств Цзян Ту растерянно замер, не зная, куда деть руки.

Мальчишка продолжал восторженно лепетать где-то на уровне груди. Проявив небывалое великодушие, Цзян Ту позволил ему погреться в своих объениях еще пару секунд, после чего безжалостно приподнял за шиворот и отстранил от себя.

Взглянув на мокрые следы от слез на своей безупречной рубахе, Владыка преисподней

мысленно вздохнул. Он развернулся и стремительным шагом направился к бамбуковой хижине.

Е Хуай преданно семенил следом, как вдруг его взгляд за что-то зацепился:

— Учитель, а почему у вас покраснели кончики ушей? Наставник, постойте! Зачем вы так бежите? Подождите меня!

<http://bllate.org/book/19047/1960943>